

Секция XIX

МУЗЕЙНАЯ ЭТНОЛОГИЯ

IV САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Руководители Грусман В.М., Коновалов А.В., Купина Ю.А.

Аргун Ю.Г.
Сухуми

ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ МУЗЕЯ ПОД
ОТКРЫТЫМ НЕБОМ В АБХАЗИИ

Попытка организации музея народной архитектуры и быта в Абхазии была сделана в начале 1960-х гг. На небольшой территории Абхазского государственного музея в Сухуме были выстроены постройки, похожие на традиционные жилые и хозяйственные постройки, как, например, деревянная *акуаскья* (жилой дом с камином), *амхара-куацв* (специальное брачное помещение для молодых), *аюцара* (место для приготовления и хранения вина), *аца* (хранилище для кукурузы), *акутцара* (курятник) и др.

Однако допущенные грубейшие методические ошибки – ограниченность территории и скученность построек, строительство новых (по мнению авторов проекта, похожих на традиционные, а не оригинальные) помещений, в дальнейшем показали, что в таком виде постройки не могут удовлетворять потребности многочисленных посетителей со всего Советского Союза. Тем более, что многие постройки, возведенные из некачественного материала, вскоре пришли в негодность. В 1980-х гг. было решено выделить специально земельный участок для будущего этнографического музея под открытым небом в 5 км от Сухума, на правом берегу реки Басла, возле «венцианского» моста. Туда были перевезены и некоторые традиционные постройки абхазов. Но события в Абхазии конца 80-х и начала 90-х гг. не позволили осуществить идею создания музея.

Сегодня вновь встает вопрос о необходимости организации этнографического музея под открытым небом в столице Абхазии – Сухуме. С точки зрения музейной теории и практики считаем необходимым придерживаться основных принципов:

1. Поскольку Абхазия одновременно является прибрежной (морской) и горной страной, при выборе места для музея под открытым небом необходимо учитывать ее своеобразный ландшафт; для удобства посетителей его место следует определить в черте города, в крайнем случае, в пригороде, а такие возможности имеются.

2. Земельный участок для музея под открытым небом должен иметь перспективу для дальнейшего расширения (первоначальная минимальная площадь – не менее 10 га) поскольку плани-

руется перевозка и организация не только традиционных жилых и хозяйственных комплексов с широкими дворами, в которых следует открывать мастерские ремесленников, устраивать фольклорно-этнографические праздники, соревнования по национальным видам спорта и другие игры, возможность отведать местную национальную кухню и т.д., но и свезти сюда древние мегалитические сооружения, найденные и раскопанные археологами на территории Абхазии, такие как дольмены – *адамра*, кромлехи – *ахацъргыла*, курганы – *ацадгъын*, каменные (папушеские) сооружения в альпийских лугах – *ацангъара* и мн. другие.

3. Будущий музей должен стать одновременно местом познания богатой истории, самобытной культуры и быта одного из древнейших этносов мира, местом отдыха и развлечений. И, наконец, музей должен стать своеобразной научной лабораторией по возрождению традиционных форм как материальной, так и духовной культуры народа.

Баранов Д.А.
Санкт-Петербург

МУЗЕЙ И ЖИВАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Доклад посвящен проблемам создания этнографического музея в Афганистане и его роли в условиях послевоенной жизни общества.

Культурно-исторический контекст Афганистана – сохранение живой этнографической действительности и богатейшая история, – диктует необходимость создания не чисто этнографического, а историко-этнографического музея. История рождения европейских музеев свидетельствует, что первоначально интерес возникает либо к чужой – «экзотической» – культуре, либо к своему историческому прошлому. Интерес к себе приходит после интереса к чужому. Этнография и соответственно музей как результат этого интереса возникают при наличии определенной культурной дистанции – пространственной (изучение культуры «экзотических» народов) или временной (изучение прошлого своей культуры).

Если в отношении прошлого Афганистана в общественном сознании имеется стойкий интерес, то этнография пока остается обделенной вниманием, так как традиционная культура «своего» народа в силу своего фонового характера (специфика Афганистана) не является предметом реф-

лексии общества. Поэтому появление музея сугубо этнографического профиля будет носить, вероятно, искусственный характер и, как следствие, не будет пользоваться большой популярностью у населения. Чтобы создающийся Музей мог полноценно существовать, первоначально необходимо выделить два аспекта собирательской, исследовательской и экспозиционно-выставочной деятельности: 1) исторический (археологический) и 2) этнографический.

Этнографическая составляющая Музея может быть востребована в том случае, если она будет нести на себе некоторый налет «экзотичности». Этнокультурная ситуация Афганистана – существование нескольких, относительно изолированных историко-культурных областей, резко отличающихся друг от друга, – позволит Музею, при условии концентрации в его стенах всего, что есть достойного в остальных частях культурного пространства, стать важнейшим институтом формирования этнокультурной и гражданской самоидентификации населения страны. Репрезентация культуры «своих», но в тоже время малознакомых народов различных провинций страны сделает Музей привлекательным для разных слоев населения Афганистана.

С другой стороны, минимальная культурная дистанция между музеем и внешним миром определяет его особую роль как актуального института, напрямую включенного в обрядовую, повседневную, политическую и другие сферы жизни.

*Батырева С.Г.
Элиста*

**ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И
ОБРАЗОВАНИЕ. ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ МУЗЕЯ
КАЛМЫЦКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ ЗАЯ-ПАНДИТЫ**

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ
(проект № 02-01-10004б)*

Необходимость научной интеграции культуры и просвещения в образовательно-воспитательном поле музейного комплекса, соединяющем школу, вуз и научно-исследовательский институт, обусловлена значительной утратой культурного наследия народа. Музейная деятельность часто видится периферией социокультурной и научно-познавательной инфраструктуры общества, что объясняет неудовлетворительное состояние музейного дела в республике. В нашем проекте музейная экспозиция рассматривается как эффективный подход в этнологическом исследовании традиционной культуры и просвещения в массах. Актуальность этой проблемы в воспитании подрастающего поколения очевидна и не требует доказательств. Экспозиция музея, являясь комплексной

реконструкцией-исследованием калмыцкой традиционной культуры, синтезирующим историю, языкознание, фольклор, этнографию, этнопедагогику, популяризирует достижения науки, культуры и просвещения в республике.

Постоянная экспозиция музея Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук представляет собой сквозную, замкнутую по кругу модель-конструкцию калмыцкой кибитки «ишкя гер». Материализованное музейными средствами мироздание народа измеряемо параметрами Пространства и Времени калмыцкой традиционной культуры. Историко-документальная цепь экспозиции, составленная из архивного, этнографического, эпического, изобразительного и научно-издательского круговых рядов наглядно воспроизводит процесс этногенеза. Концепция музейного проекта подсказана историческим опытом предков, включающим обряды жизненного цикла народа: обычаи, связанные с рождением ребенка, свадебные традиции и похоронно-поминальные обряды. В них заключена многовековая память и житейская мудрость кочевого в прошлом народа, его опыт осмысления Бытия, обозначенные как этнопедагогическое наследие, предлагаемое вниманию посетителя. В основу этнологической трактовки культуры положены методики реконструкции систем мировосприятия (А.Гуревич, Н.Жуковская); понимание культуры как способа бытия человека и искусства как «образной модели» и «кода» культуры (М.Каган, Э.Маркарян); современные теории этноса и этнического развития (С.Арутюнов, Л.Гумилев, А.Першиц).

*Белков П.Л.
Санкт-Петербург*

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ВЕЩИ И ТЕКСТА В
ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕВЕДЕНИИ**

В этнографическом музееведении атрибуция или, точнее, реатрибуция старых поступлений является одной из самых методически сложных задач. С точки зрения процедуры эта задача состоит во взаимной идентификации вещи и текста, причем в виде текста может выступать номер на вещи, номерная или текстовая этикетка, список, составленный при поступлении, статья в описи или карточном каталоге и, наконец, записки собирателя, содержащие историю приобретения данной вещи или хотя бы упоминание о бытовании подобных вещей в исследуемой культуре. Круг музейных документов, которые могут рассматриваться как первоисточники, зависит от истории сложения и передвижения музейных коллекций. Кроме того, привлечение позднейших исследований профессиональных этнографов для атрибуции коллекционных предметов фактически превращает их в музейные документы.

Следует подчеркнуть, что задача по установ-

лению связи между вещью и текстом встает во всех без исключения ситуациях. Речь может идти только о степени простоты или сложности конкретного случая. Доказывать связь текста с вещью методически необходимо даже в тех случаях, когда текстовая или номерная этикетка наклеена на вещь. Из этого вытекает, что между атрибуцией музейной вещи и семантическим анализом не существует абсолютной границы.

В то же время при решении, казалось бы, узких музееведческих («технических») задач исследователь сталкивается с теоретической (методологической) проблемой определения понятия «этнографический источник». В этнографии, как и в археологии, вещи принято классифицировать как «вещественные источники», усматривая в этом специфику названных дисциплин по отношению к истории, основанной на изучении «письменных источников». Между тем, было бы более логично вещи в широком смысле рассматривать как предмет исследования этнографии, а музейные тексты – как этнографические источники. Таким образом, этнографические источники также являются письменными. Описываемая вещь не является *источником информации*, поскольку с точки зрения этнографии как науки о вещах этнографическая вещь («социальный факт») есть *сама информация*. В описании (в источнике) вещь берется не сама по себе, а только те ее стороны, которые фиксируются в тексте. Вещь как этнографический факт выступает не в форме материального предмета, а в форме абстракции, или взаимосвязи элементов, на которые она расчленяется в процессе описания.

**Будникова С.В.
Магадан
Бурыкин А.А.
Санкт-Петербург**

ЭТНОГРАФИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Деятельность региональных краеведческих музеев, для которых этнография является важной составляющей деятельности, однако отнюдь не профильным направлением, играет важную роль в сохранении традиционных культур малочисленных народов Севера. Магаданский областной краеведческий музей (МОКМ) располагает интересным опытом работы по собиранию этнографических коллекций и пропаганде традиционной культуры коренных жителей среди потомков носителей этнических традиций и среди населения региона. В 1991 г. музей возобновил экспедиционную работу с целью пополнения этнографических коллекций по эвенам. В ходе экспедиций в

районы области были установлены контакты с семьями, в которых хранятся предметы традиционной культуры и представители которых сохраняют навыки их изготовления (шитье традиционных костюмов, производство домашней утвари, изготовление предметов декоративного искусства). Собранные в экспедициях предметы показывались на специальных выставках, на которых присутствовали мастерицы, изготовившие эти предметы и передавшие их музею. Эта практика способствовала формированию имиджа музея как учреждения, хранящего предметы этнической культуры и поддерживающего работу мастеров и мастериц, хорошо знающих этнические традиции, благодаря чему коллекции музея пополняются новыми предметами, которые коренные жители предлагают музею приобрести или преподносят ему в дар. Анализ состава этнографических коллекций МОКМ, атрибуция предметов из старых коллекций, публикация статей по полевым материалам и музейным фондам способствует целенаправленному введению собранных предметов в научный оборот и содействует популяризации знаний из области традиционной культуры и искусства коренных жителей среди всего населения региона.

**Виноградов В.В.
Санкт-Петербург
Кусей Е.Е., Тумова А.А.**

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ ПРИРОДНОГО ПАРКА «ВЕПСКИЙ ЛЕС» (Д. ПАШОЗЕРО)

Природный парк «Вепский лес» создан 14 сентября 1999 г. Официальный статус парка – особо охраняемая природная территория регионального значения.

Но, помимо сохранения ценных природных объектов, на парк возлагается целый комплекс экологических, рекреационных, историко-культурных и научно-исследовательских задач, в том числе – изучение, сохранение и использование культурно-исторического потенциала парка, возрождение вепского языка и культуры. Среди способов реализации этой функции – проведение фольклорно-этнографических экспедиций и создание музеев. Цель экспедиций – сбор информационно-вещевого материала. Музей – следующий этап его обобщения.

На территории парка существует несколько музеев: три школьных и один частный. В 2005 г. в д. Пашозеро на базе экологического центра сотрудниками природного парка был создан природно-этнографический музей. Экспозиция музея демонстрирует взаимовлияние природных условий и хозяйственной деятельности человека.

Музей представляет собой специфическое

пространство, где экспонируемый предмет приобретает особые свойства (ценность предмета, особенности его использования и т.д.). То же можно сказать и о фольклорно-этнографических сведениях, используемых в тексте экскурсии. Данный факт заставляет поднять на методологическом уровне ряд исследовательских проблем: во-первых, новый статус предмета/вещи в пространстве в его соотношении с «традиционным» состоянием, изменение функций и ценности, во-вторых, пути «новой» семантизации и мифологизации объекта в пределах экспозиционного пространства музея.

Весь этот круг вопросов позволяет рассматривать музей как цельную, развивающуюся систему, не только использующую существующие мифологемы, но и порождающую таковые.

Гаджиева А.А.

**«СОБРАНИЕ НАРОДНЫХ РУССКИХ
МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ»
Н.И.ПРИВАЛОВА: К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ
АТРИБУЦИИ МУЗЕЙНОГО ПАМЯТНИКА**

В 1911 г. Императорским Русским музеем была приобретена часть уникального собрания Н.И.Привалова, всего 123 народных музыкальных инструмента¹. Коллекция была принята Н.И.Репниковым по предварительно составленному списку, а в 1912 г. Н.И.Приваловым закончен ее каталог. В 1933 г. 34 памятника из коллекции Н.И.Привалова были зарегистрированы С.Г.Грипиной. Тогда же часть незарегистрированной коллекции была передана в Эрмитаж. Остальные памятники были формально зарегистрированы Т.Т.Денисовой в 50-е гг. (в составе нескольких сборных коллекций).

Атрибуция памятников затруднена их плохой сохранностью, утратой маркировочных помет, а также недостатками самого каталога Н.И.Привалова (отсутствием замеров и, большей частью, морфологических описаний предметов). Имеется значительное число разночтений в названных документах, нередко они противоречат информации, получаемой из других источников (прежде всего, публикаций и переписки Н.И.Привалова).

Осложняет ситуацию использование русских названий инструментов (99 из 123) в качестве общепринятых².

Понятие «финляндская скрипка» собиратель использует дважды для обозначения особого типа смычковых инструментов, а не собственно этнической принадлежности памятника.

Нередко собиратель дает обобщенную информацию, относящуюся не к единичному памятнику, а к группе памятников данного типа³.

В 38-ми случаях собиратель указывает и народ, и место бытования инструмента, еще в 4-х –

народ и место приобретения предмета. Но и здесь встречаются ситуации неоднозначные⁴, что объясняется, с одной стороны, особенностями бытования музыкальных инструментов в контактных зонах, с другой – целями собирания данной коллекции⁵ и соответствующими критериями отбора.

В случае с усовершенствованными инструментами, собиратель, возможно, был заинтересован в умолчании части информации, в том числе о его этнической принадлежности.

Таким образом, этническая атрибуция памятников требует расширения источниковедческой базы и ее критического осмысления.

¹ О судьбе коллекции: Гаджиева А.А., Кошелев В.В. По следам коллекции Н.И.Привалова (опыт реконструкции уникального собрания). Очерк 1-й // Из истории коллекционирования музыкальных инструментов (к 150-летию со дня рождения барона К.К.Штакельберга). СПб., 1998. С. 25-29; Очерк 2-й // Музыка Кунсткамеры. Материалы Первой инструментоведческой научно-практической конференции. СПб., 2002 г. С. 115-118 (далее – очерк 2-й).

² Одна из причин этого – слабая разработанность терминологической базы в современном Привалову этномузыкознании, другая связана со спецификой комплектования данной коллекции – в Санкт-Петербурге, с опросом на русском языке (см. очерк 2-й)

³ Например, о варгане из Пермской губ. Привалов сообщает: «Камыз – башкирский и киргизский музыкальный инструмент... Играют преимущественно татары...»

⁴ Например, русские гусли из г. Курмыш Сибирской губ. О музыканте сообщается, что он ученик слепого чуваша в г. Курмыше, об инструменте: «гусли эти изготовляются местными чувашами... и сотнями привозятся на базар в город, где продаются по десяти копеек за штуку».

⁵ Коллекционерская деятельность Н.И.Привалова была подчинена его практической работе по усовершенствованию народных музыкальных инструментов с целью их введения в Великолукский оркестр (см. очерк 2-й).

*Галиона В.А.
Санкт-Петербург*

**УНИКАЛЬНЫЙ ЭКСПОНАТ ИЗ НОРВЕЖСКОЙ
КОЛЛЕКЦИИ РЭМ (КОВАНЫЙ ПОДСВЕЧНИК
XVIII в. ИЗ НУРФЬОРДА В ЗАПАДНОЙ НОРВЕГИИ)**

В докладе сообщается о факте обнаружения в фондах Российского Этнографического музея в Санкт-Петербурге единственной, но весьма яркой по своему составу коллекции предметов традиционной норвежской крестьянской культуры XVIII–XIX вв.¹, о ее полной переатрибуции в связи с уточнением этнических, локально-географических, временных и других параметров по архивным данным и аналогам из норвежских музеев, а также с реабилитацией российского ученого-гидрографа Ф.Е.Классена как настоящего фондообразователя этой коллекции (по заданию этнографического отдела РМ)².

Регионы сбора коллекции Ф.Е. Классена в Норвегии (1910 г.):

– Согн-ог-Фьоране, 1 экз.,* Нурфьорд (Nordfjord);

– Хордаланн, 10 экз., Берген, Фиелд, Восс, Лодве-г., Молстер-гард, Фиуне;

– Опланн, 1 экз., Гудбрансдален;

– Телемарк, 5 экз., Без уточнений;

– Эуст-Агдер, 1 экз., Сётерсдален;

– Нет сведений, 1 экз.

Среди 19 экспонатов своего рода образцовой норвежской коллекции Ф.Е.Классена выделяется кованый из железа настольный подсвечник* на две свечи, имеющий форму стилизованного дерева с тремя «корнями», «стволом», «кроной», «вершиной» и даже «листьями», являющимися деталями его декоративного оформления (вершину венчает фигурка петушка). В собрании Норвежского Народного музея (Norsk Folketsmuseum, Oslo) представлен его типологический аналог³ из долины Халлингдал, датированный XVIII в. Оба предмета специфическими чертами своего «древовидного» облика восходят к образу мифологического «Мирового Древа» – древнескандинавского ясеня «Иггдрасиль», растущего на трех корнях, на вершине которого сидит «кочет багряный по имени Фьялар»⁴. При этом наш образец отличается большей архаикой: весь комплекс его черт намного точнее совпадает с эддическим описанием мифологического прототипа.

¹ Шрадер Т.А. Экспонаты из Скандинавии в музеях Санкт-Петербурга // Скандинавские чтения 1998 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1999.

² Галиопа В.А. Памятники традиционной крестьянской культуры из центральной и западной Норвегии в фондах Российского Этнографического музея // Скандинавские чтения 2005 года. К 100-летию независимости королевства Норвегии. СПб. (в печати).

³ NF. 1897-0130 (экспонировался в РЭМ на выставке «Норвежская свадьба» в 2003 г.).

⁴ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах // Библиотека всемирной литературы. Т. 9. М., 1975. «Прорицание вельвы» (Völuspá), С. 185 (Иггдрасиль), С. 187 (Фьялар/Гуллинкамби на его вершине).

Герасименко Е.Е.
Санкт-Петербург

ОБРАЗ ЭТНОСА В МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

Образ этноса, представляемый музейной экспозицией, формируется в системе этнографического знания. Музейная экспозиция, являя собой одну из форм его визуального воплощения, отражает изменения образа этнической культуры, складывающегося в рамках данной науки.

Ретроспективный анализ способов экспонирования этнографических коллекций, начиная с эпохи «кабинетов натуралиев» вплоть до современного периода, позволяет выявить четыре различных подхода:

– показ предметов, произведенных другим этносом, как «экзотики»;

– презентация артефактов, характеризующих

культуры «примитивных» обществ, в аспекте их неразрывной связи с окружающей природной средой, в которой эволюционировали данные культуры;

– представление вещей в контексте искусственно созданной среды их бытования;

– экспонирование предметов материальной культуры как образцов искусства.

Несмотря на существенные различия подходов, им присущи общие черты.

Во-первых, все они имеют сравнительный характер и представляют собой попытку рассмотрения этнографических экспонатов в рамках определенного интеллектуального дискурса. Во-вторых, каждый из способов открывает возможность представления лишь части целого, и комплексное применение одного из подходов в сочетании с другими также не позволяет создать цельный образ. В-третьих, все подходы являют собой сторонний взгляд на прошлое народа.

Анализ существующих подходов приводит к выводу о том, что неотъемлемым компонентом создания адекватного образа этноса в музейном пространстве является отражение его самосознания. Наиболее перспективным в этом плане видится контекстуальный показ артефактов, позволяющий в определенной степени выразить представления этноса о самом себе и своей культуре.

Грусман В.М.
Санкт-Петербург

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ФУНКЦИЙ МУЗЕЕВ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА XXI В.

Социально-культурные функции российских музеев утверждали себя на всем протяжении последних трех веков. Функции как форма выражения изначально предопределенного предназначения данного социального института имеют непреходящий характер, однако на каждом этапе общественно-исторического развития они конкретизируются с учетом его специфики. Музеи начала XXI в. – это социально-культурные институты формирующегося информационного общества, деятельность которых детерминирована и глобальными проблемами столетия, и особенностями собственно российского общества, переживающего сложный период экономического, политического и духовного развития после распада СССР и тяжелого кризиса 1990-х гг.

В новых условиях, когда современные информационные технологии не только активно развиваются, но и становятся неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, в обществе формируются особые актуальные требования к деятельности образовательных и культурно-просветительных учреждений.

Отличительной особенностью всех форм работы музейного учреждения на современном этапе развития является то, что музей сегодня уже не просто научное учреждение (как это было в XIX в.) или научно-просветительное учреждение (каковым оно являлось в недавнем прошлом). Сегодня музей реализует свои функции как определенный механизм социокультурной коммуникации, способствующей воспроизводству культуры и взаимодействию различных культурных общностей. Музей призван интегрировать и сохранять культурно-исторический опыт, активизируя процессы передачи и обмена информации не только между поколениями и различными культурами, но и между различными социальными группами.

Сама сущность музея детерминирует бережное отношение к различным формам культур, дифференцированных от нас как во временном, так и в географическом отношении. Процесс познания социокультурных феноменов в музееведении отличается стремлением к возможно более глубокому проникновению в сущность историко-культурных явлений, оценить которые посетитель может с высоты времен.

Чем больше в последнее время исследуются социально-культурные функции музеев, тем яснее становится, насколько значим и объективен культуросозидающий, воспитательный потенциал музейного учреждения. И задача, стоящая ныне перед специалистами музейной работы, заключается в том, чтобы наиболее эффективно раскрыть те перспективы и возможности, которые связаны с социально-культурной деятельностью музея.

*Дмитриев В.А.
Санкт-Петербург*

О ПРИНЦИПАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

Для этнографического музея, как компонента антропологической науки, важнейшей проблемой является разрешение противоречия между субъективной природой этнической общности и объективным характером культуры, образцы которой комплектуются, сохраняются и экспонируются музеем. Решение данной проблемы видится в создании экспозиций т.н. регионального типа, т.е. сочетающих в себе материалы, атрибутируемые как принадлежащие разным, но близким этносам.

«Региональная» экспозиция представляет собой многоструктурное образование. Она является условной моделью, границы которой зависят от понимания ее внутренних связей. В случае разделения региональной общности государственными и административными границами приоритетным избирается принцип традицион-

но-культурного единства. Имеется проблема вовлеченности частей такой общности в общности более высокого ранга, как Северного Кавказа в российскую цивилизацию, притом что единство Северного и Южного Кавказа также является неоспоримым. В создании «региональной» экспозиции, посвященной такой культурной общности, как кавказская, может быть достаточно в качестве главенствующего принципа избрать географический, т.к. он позволяет представить различные аспекты межэтнических отношений, включая контактные зоны. Этот принцип потребует отказа от обычного линейного принципа организации экспозиционного материала. Проблемой является априорная неравномерность отражения культуры отдельного этноса, которая вытекает не только из качества музейного собрания, но и из необходимости распределения в пространстве экспозиции структурных характеристик региональной культуры как единого комплекса субкультур первичного производства, жизнеобеспечения и т.п. Отдельной задачей является распределение между компонентами экспозиции характеристик метакультуры региона. Построение региональной экспозиции позволяет отказаться от навязанной в прошлом дихотомии предметов традиционной и современной этнографии.

*Дмитриев В.А., Дубровский Д.В.
Санкт-Петербург*

МУЗЕЙ КАК «ХРАНИЛИЩЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ» И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ/ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Специфика этнографического музея, как известно, заключается в основном принципе сбора и хранения вещного материала и информационных носителей, так или иначе рассказывающих о жизни существовавших или существующих до сих пор этнокультурных сообществ.

Очевидно, что сама идея этнографического музея в том виде, в котором он существует сегодня, сформировалась в условиях доминирования позитивистского примордиального дискурса, в рамках которого все этнические группы мыслятся как существовавшие *ab origin*, и, соответственно, могут только исчезать, но не появляться.

В связи с этим задачей этнографического музея с точки зрения господствовавшей парадигмы было *сохранить* свидетельства о традиционной жизни того или иного народа *в прошлом*. Под прошлым понимались как можно более отдаленные по времени вещи или материалы, соотносимые с тем или иным народом. Изучение традиционных верований и представлений в рамках фольклорных штудий также опиралось на фиксации знания старшего поколения, причем наиболее ценными считаются именно знания «от ста-

риков». Таким образом, на этапе сбора материала происходила и происходит очевидная архаизация и стандартизация существовавшей традиции, зачастую игнорировавшая разнообразие традиции не только в диахронии, но и в синхронии. Этапы описания и представления вещевое материала «форматируют» живую ткань традиции, создавая «вещевую культуру этноса».

Таким образом, с точки зрения современных теорий конструктивизма, музей не столько собирает и хранит исторические свидетельства, сколько хранит источники по «изобретенным традициям» (Э.Хобсбаум). Музей становится местом презентации/конструирования коллективной памяти (М.Хальбваш), которая противостоит историческому знанию и опирается на мифические стереотипы.

В связи с этим возникает вопрос, каким образом происходит легитимация такого знания, и каким образом можно сегодня использовать данные конца XIX – XX вв. для создания новой национальной идентичности.

*Дмитриев С.В.
Санкт-Петербург*

А.Н.ПЕТРОВ И ЕГО ПЕРСИДСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В РОССИЙСКОМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

В докладе исследуется собирательская деятельность для Этнографического отдела Русского музея Александра Николаевича Петрова, сотрудника Учетно-Ссудного банка Персии, в котором он работал до 1917 г.

В достаточно сложных политических условиях, в период очередного всплеска мусульманского фундаментализма Петрову удалось собрать чрезвычайно интересную коллекцию по этнографии персов, айсоров, азербайджанцев, евреев. Основное его внимание было ориентировано на сбор предметов одежды, домашней утвари, оружия. Петрову удалось приобрести для ЭО ряд мужских и женских костюмов (еврейских, курдских, персидских айсорских), женских украшений, «персидские музыкальные инструменты, используемые на свадьбах, похоронах», предметы упряжи, ценные коллекции принадлежностей шиитского праздника мухаррема и курдского оружия.

По его словам, большинство вещей, которые он отправил в адрес ЭО в составе первой партии, он приобрел у местного коллекционера, хорошо знавшего, по его словам, дело и покупавшего вещи «для Америки». Для другой партии «большинство предметов удалось купить из первых рук, частью из деревни, частью с местного базара». Детский айсорский костюм «старинного образца» и местной работы из русского материала был сделан по заказу. Специально для Петрова была сделана кукла, которую положили в отправляе-

мую люльку: «в момент отправки, – как пишет, – мне предложили «сделать ребенка», оказалось, что «это» в Персии делается очень быстро – 2-3 дня. Куклу сделали по местному, и обрядили ее как следует».

Отсылая вещи в адрес музея, Петров сопровождал их обширными описаниями, в которых содержались обстоятельства приобретения, возможное применение того или другого предмета, цены на костюмы и т.д.

*Ермишина А.В.
Москва*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОД СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРЕДМЕТНОМ МИРЕ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОГО И НАРОДНОГО ИСКУССТВА

Во ВМДПНИ хранятся уникальные предметы декоративного искусства XX в., несущие многоуровневую информацию как об особенностях народного осмысления нового политического строя, нового властного феномена, так и о прямой идеологической составляющей, навязанной «сверху» и гарантировавшей социальный спрос в новых условиях.

Выработка советского мировоззрения, советской идентичности – процесс, в котором немало важную роль играли художественные механизмы. Народная культурная традиция, укорененная в структурных основах сознания, была активно мобилизована властью. Смоделированная посредством жесткого социального заказа, она заняла важное место в системе советской пропаганды.

При этом властью поощряются национальные тенденции на уровне фактурной полифонии, разнообразия техник, декоративной орнаментальности. Это способствовало национальной адаптации универсальных тем советской идеологии. Художественный уровень вскрывает механизмы формирования национальной оболочки универсальной советской идентичности (по принципу «национальное по форме, советское – по содержанию»).

Процесс трансформации и включения культурных художественных кодов в новую систему ценностей имел многоуровневую структуру. Особенности художественной традиции, ее включенность в исторический, религиозный и культурный контекст оказывали влияние на форму и характер реакции традиции на социальный заказ. Сравнительный анализ позволяет выявить, с одной стороны, адаптационные возможности народного искусства, с другой – установить связь между художественными структурами и структурами сознания, идеологией и архетипами.

Игнатъева О.П.
Санкт-Петербург

**КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
АЛТАЙСКИХ СЕДЕЛ (НА МАТЕРИАЛАХ
РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

Седла алтайцев относятся к группе жестких или твердых седел. Каркасом для них служит деревянный ленчик, состоящий из передней и задней дугообразных луков, двух полок и кожаной перемычки – живца. К ленчику крепятся две подпруги и подхвостник, необходимые для фиксации седла на спине лошади, стремена. Сверху на ленчик прикрепляются седельные подушки из кожи, набитые войлоком. Все детали седла соединяются между собой при помощи кожаных ремней, протернутых в отверстия ленчика так, что узлы и ремни находятся практически заподлицо с поверхностью. Подпруги традиционно сплетались из кожаных ремешков, плетеным мог быть и подхвостник.

Конструкция алтайского седла весьма рациональна и рассчитана на создание комфорта не только для всадника, но и для коня. Полки седла скруглены таким образом, чтобы с внутренней стороны седла не образовывалось углов, способных поранить животное. На спину лошади, под седло клали потник из нескольких слоев войлока, скрепленных либо не скрепленных с кожаным чепраком. В обоих случаях на потнике и чепраке делался срединный шов, позволявший размещать их на спине животного без заломов, так, что вся конструкция напоминала двускатную крышу. Этот способ размещения потника широко применяется в современном конном спорте для лучшей подгонки седла и защиты спины лошади от травм.

Калашикова Н.М.
Санкт-Петербург

**РЕГИОНАЛИСТИКА В РОССИЙСКОМ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ**

Практический опыт, накопленный в Российском этнографическом музее (РЭМ), свидетельствует о том, что в экспозициях монографического типа, таких как «Русские», «Народы Украины, Белоруссии, Молдавии», «Народы Закавказья» предметы быта экспонируются в контексте подробной характеристики одного этноса. Другой вариант экспозиций – региональный, когда представляется группа этносов, проживающих на определенной территории. Так построены экспозиции «Народы Сибири и Дальнего Востока», «Народы Поволжья и Приуралья», «Народы Северного Кавказа», «Народы северо-запада России и Прибалтики». Художественное решение названных экспозиций имеет свою историю, в которой важную роль играли ленинградские дизайнеры

Е.Шеер и А.Ляндсберг, В.Ривин и В.Коротков, В.Боровиков и А.Бейдер, Б.Робенко и В.Глазков.

В настоящее время предпочтительными представляются экспозиции второго типа – региональные, где может быть представлено наибольшее количество этносов. Современные научные исследования в области этнологии по-новому трактуют традиционные предметы, в которых аккумулируется и посредством знаковой системы трансформируется социокультурный опыт, что позволяет выявлять так называемые семиотические доминанты (например, жилище, комплексы бытовой утвари, орудий труда, предметов одежды и других памятников), характеризующие культуру и быт народов России, вокруг которых и выстраивается экспозиция.

Калиновская К.П.
Москва

**НОВОЕ В РАБОТЕ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИНСТИТУТА
ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН**

Этнографический кабинет-музей имени Н.Н.Чебоксарова ИЭА РАН – единственное в Москве научное и просветительское учреждение, специализирующееся на собирании, хранении, изучении и популяризации коллекций по культурам народов России и мира. В его собрании – этнографические материалы из многих регионов России, стран Азии, Океании, Америки, Африки, Европы, всего более 3,5 тыс. номеров ед. хр.

Серьезные изменения происходят в работе кабинета. Музей, давно и остро нуждавшийся в расширении площадей, в 2004 г. решением Дирекции Института получил просторный кабинет (для организационной и фондовой работы) взамен прежнего маленького. За последние 2,5 года существенно выросли фонды музея: в составе 32 коллекций поступило 485 номеров ед. хр. Ценными этнографическими предметами пополнились музейные фонды по культуре русских, украинцев, эвенков, саамов, индейских народов Канады, народов Новой Гвинеи. В собрании появились вещи ранее не представленных в фондах музея народов: калмыков, осетин, нганасан, селькупов, ульчей, орочей, вепсов, коми-язьвинцев, словаков, анколе (Уганда), конг (Вьетнам) и др.

Сотрудники музея регулярно проводят экскурсии по постоянной экспозиции и методические занятия по истории материальной культуры и этнографического музейного дела. В кабинете собраны коллекции этнографических видеофильмов и аудиозаписей этнической музыки, которые используются в экскурсионной работе. Деятельность и коллекции Этнографического кабинета освещаются в публикациях его сотрудников на страницах Альманаха «Музеи РАН», журналов «Этнографическое обозрение», «Этносфера» и

других изданий. Музей участвует в подготовке выставки «Маски» в ГМИИ имени А.С.Пушкина. Материалы видеосъемок экспозиционного зала и коллекций музея использованы в нескольких просветительских передачах на ТВ. Благодаря странице музея на Интернет-сайте ИЭА РАН значительно расширился круг интересующихся этнологией и этнографическим музеем Института.

Каранетова И.А.
Санкт-Петербург

ВКЛАД С.И.РУДЕНКО В КОМПЛЕКТОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ РЭМ ПО НЕНЦАМ

Особое место в собрании РЭМ по ненцам занимают коллекции, собранные Сергеем Ивановичем Руденко – известным ученым, археологом и этнографом в 1909–1910 гг. в р-не Обской губы (Кутоп-юган; Ярцинги, Ныда, Хэ) и в тундре к северу от Обдорска (Салехарда). Их отличает широта тематического охвата, комплексный подход в подборе материала и четкая научная систематизация.

Район исследования – север Тобольской губернии – и маршрут экспедиции был рекомендован С.И.Руденко известным ученым Н.Л.Гондатти, бывшим и в те годы губернатором Тобольской губернии. Экспедиция, длившаяся 9 месяцев, проходила среди сосвинских и ляпинских манси, казымских хантов и нижнеобских ненцев. Район Обской губы – этноконтактная зона, где тесно соприкасались культуры ненцев и северных хантов. С.И.Руденко писал: «Провести сколько-нибудь резкую границу между остяками низовьев Оби и самоедами очень трудно, так как обе эти народности на севере смешиваются между собой...» Однако внимательному исследователю и прекрасному собирателю С.И.Руденко удалось выявить общее и особенное в культуре этих народов, что нашло отражение не только в его статьях, но и в собранных им коллекциях. В своей работе Сергей Иванович, в ту пору еще студент Санкт-Петербургского университета, руководствовался следующими принципами: «Для успешного собирания этнографических коллекций... прежде всего и важнее всего добиться расположения и уважения населения», а это достигается «внимательным отношением к жизненным интересам тех, с кем приходится иметь дело. Чем лучше вы познаете их верование и обряды... дадите понять, что вы уважаете их веру, а главное знаете ее, тем с большим доверием они к вам относятся, тем больше вы от них можете узнать» (Руденко, 1912: 48).

Коллекции С.И.Руденко являются важной составной частью собрания РЭМ по ненцам. Сведения, содержащиеся в описях о родовом составе, месте приобретения, а также информация по

терминологии и способе бытования вещей делают коллекции С.И.Руденко важным источником по культуре этого народа.

Коновалов А.В.
Санкт-Петербург

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИФОРИТУАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

Мифоритуальные явления целесообразно представить в традиционном вещевом воплощении, но не в общепринятой форме показа, а в первую очередь выявив многочисленные функции предмета, особенно выделяющуюся в данной системе – знаковую. Для этого возможно экспонирование аналогичных вещей в различных культурно-бытовых ситуациях, от ритуальных до прагматических, с обязательным показом информационно насыщенного центра, например, обстановочной сцены «Жилище».

Принципиально важным следует считать также экспозиционное представление вторичных религиозных мифов и ритуалов в рамках бытовых проявлений мировых и иных религий.

Мифологии иного, как правило, более позднего по происхождению порядка – социально-формационные (капиталистическая, коммунистическая и т.д.) в определенной мере включаются в предметную область этнографии. Несмотря на утверждение Р.Барта о содержательной бедности данных ментальных объектов, их вещевое проявление и этническая окрашенность представляются весьма достаточным основанием для экспонирования в этнографических, а также исторических, региональных (краеведческих) и иных музеях в сочетании с предметами неэтнографического типа.

Основной принцип показа традиционных вещей с выявлением их различных функций необходимо дополнить использованием аудиовизуальных музейных средств, демонстрируя таким образом не просто прагматико-семиотическую статику, но динамику действия предметов в ритуале.

Королькова Л.В.

НАУЧНАЯ АТРИБУЦИЯ ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИНСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ РЭМ

В собрании Российского этнографического музея хранятся интереснейшие разноплановые коллекции вещевых памятников, собранных в период 1920–1940 гг. на территории Ленинградской области, в районах проживания ингерманландских финнов. Однако они практически не аннотированы, так как одна из этих коллекций была получена в дар от ЛОИКФУН в мае 1931 г. без сопроводительных документов (89 №№ и

ящик с образцами домотканины), а другие привозы не были сразу зарегистрированы; в годы войны значительная часть их была утрачена и депортирована. Также следует отметить, что во время регистрации финских коллекций были допущены искажения в названиях мест сборов и этнической атрибуции.

В ходе работы по научной атрибуции и паспортизации памятников РЭМ, автором были изучены архивные материалы РЭМ и ГРМ, публикации ЛОИКФУН, что позволило атрибутировать значительную часть экспонатов РЭМ из колл. №№ 5276 и 6793, выявить собирателей (Е.Р.Лепер, М.Д.Торрэн, Е.П.Шенк, Н.А.Никитина, В.А.Егоров, А.С. и Е.С.Тигонен, Л.А.Творогов, Г.А.Пидотти), годы и точные места сборов, дополнить описание памятников. Было установлено, что музыкальный инструмент «канитель», хранящийся в РЭМ под номером 5276-56 и числящийся карельским, на самом деле является финским; он принадлежал известному историку музыки Н.Ф.Финдензейну (после его смерти в 1928 г. супруга ученого Э.Ф.Финдензейн передала его в дар ЛОИКФУН).

*Кочукова Н.М.
Санкт-Петербург*

К ВОПРОСУ О ПЕРЕАТРИБУЦИИ МУЗЕЙНОГО ПАМЯТНИКА (ЯПОНСКАЯ ФАРФОРОВАЯ ВАЗА ИЗ СОБРАНИЙ РЭМ)

В связи с текущей музейной работой в 2004 г. мое внимание привлекла японская ваза из собраний РЭМ. Фарфоровая ваза в форме кувшина имеет загнутые края и две ручки в форме дракона, украшена рисунками сцен из быта самураев. Предмет зарегистрирован в сборную коллекцию за № 6831-343. Эта коллекция по данным учетной документации РЭМ насчитывает 509 предметов, собранных в разное время различными собирателями, чьи имена не указаны. Коллекция была зарегистрирована М.А.Богдановой и С.П.Балдаевым в 1954 г., описи несут минимум информации об экспонате. Так, на дне вазы нанесены иероглифы, о чем нет отметок в учетной документации музея.

Надпись на вазе удалось прочитать, по-видимому, иероглифически записано имя Хаттори. Можно предположить, что это имя мастера или владельца мастерской. Данная информация открывает круг вопросов, ответы на которые, на наш взгляд, четко отвечают теме этнографического музееведения и составляют тут часть музейной работы, которая обозначена как переатрибуция памятника.

В результате исследования планируется ответить на следующие вопросы: уточнить источник поступления, место и время изготовления, место и время бытования. Допускаем, что не на все обозначенные вопросы будут даны ответы. Но в этом

случае результатом можно считать изучение исследовательских работ, опубликованных в настоящее время.

*Кржижевский М.В.
Самара*

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ МУЗЕЯ САМАРСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

В последние годы количество национальных музеев Самарской области заметно выросло, что нашло отражение в переписи 2002 г. Необходимо изучать особенности культуры и быта не только народов, живущих в крае издавна, но тех этнических образований, которые появились на территории области недавно – без этого этнографическая картина Самарской области окажется неполной. Большую помощь в этом изучении оказывают музейные коллекции.

При Самарском госуниверситете работает музей археологии, этнографии и истории, состоящий из двух отделов – археологического и историко-этнографического. Если археологический отдел существует уже почти три десятилетия, то историко-этнографический отдел значительно моложе – он был создан в 1997 г. В основном в этом отделе представлены национальные костюмы, предметы традиционной культуры и быта народов Самарского края, проживающих здесь в течение ряда столетий (русских, чувашей, мордвы, татар, башкир, калмыков, марийцев). Экспонаты собраны в ходе этнографических исследований в различных районах области.

В указанном отделе содержатся также материалы по этнографии народов Азии и Африки, предоставленные представителями этих народов – выпускниками учебных заведений города Самары. Некоторые из выпускников после окончания учебы остаются в нашем городе, пополняя количество национальностей края.

Наиболее полно представлен традиционный костюмный комплекс народов Пакистана (панджабцев, пуштунов, белуджей), есть также национальная одежда арабов Марокко, мусульманских народностей Камеруна, этнических образований юга Индии и т.д. Будем надеяться, что количество экспонатов отдела со временем увеличится.

*Купина Ю.А.
Санкт-Петербург*

ЭТНОГРАФИЯ КАК ПРЕДМЕТ ЭКСПОНИРОВАНИЯ В МУЗЕЕ: ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Взаимоотношение этнографии и музея – это во многом взаимоотношения научной дисциплины и широкой публики. Один из наиболее сложных вопросов, с которым работают современные этнографы – как народная культура и межнацио-

нальные отношения понимаются общением, как эти взгляды меняются и как их можно изменять. Экспозиционная практика этнографических музеев представляет уникальный материал для анализа. В течение последних десятилетий многие отечественные музеи прошли так называемый период реконструкции. Реконструкция постоянных этнографических экспозиций – одна из актуальных задач МАЭ (Кунсткамера) РАН, сотрудники которого сегодня работают над воссозданием экспозиции по культуре народов Африки. Новая экспозиция разрабатывается с учетом специфики музейной аудитории, а также стратегических задач МАЭ (Кунсткамера) РАН как академического музея. Научные сотрудники, хранители, специалисты образовательного отдела и дизайнеры работают вместе, стремясь учесть особенности восприятия и принципы обучения различных групп музейной аудитории. В разработке проекта большую роль сыграл ретроспективный анализ подходов к интерпретации этнографического материала на выставках, который накоплен в отечественном и зарубежном музееведении. В западной культуре накоплен богатый опыт интерпретации и экспонирования предметов африканских культур. В Европе и Америке они экспонировались в кунсткамерах и частных собраниях, музеях натуральной истории и этнографии, музеях изящных искусств и художественных галереях. Поэтому современный музей, экспонирующий предметы африканской культуры в контексте этнографической выставки, должен отдавать себе отчет в степени субъективности предлагаемых посетителю интерпретаций и быть готовым ответственно отстаивать перед публикой предлагаемые трактовки.

*Курбанов А.В.
Санкт-Петербург*

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ МАЭ РАН: ТЕНДЕНЦИИ И СТАТИСТИКА

В течение прошедших лет МАЭ РАН, позиционирующий себя как музей культуры народов мира, продолжал интенсивно пополнять коллекции новыми этнографическими поступлениями. География новых поступлений невероятно широка и охватывает практически весь земной шар – Европу, Африку, страны Зарубежной Азии, Ближнего Востока, Австралию и Океанию, Южную Америку, государства Ближнего Зарубежья, регионы Российской Федерации. Источниками служили и дар, и покупка, и передача из безномерного фонда. Участниками этого процесса были сотрудники музея, граждане России и иностранных государств, а также различные музеи и организации. Всего за пятилетие МАЭ приобрел 1 452 предмета, из которых большая часть была пода-

рена собирателями, другие приобретены в качестве покупки или в ходе научных экспедиций в различные регионы мира.

Из общего числа приобретенных коллекций почти половина поступлений связана с культурой народов зарубежных стран (710 предметов).

К числу наиболее ценных приобретений музея относятся коллекции, собранные в Сибири по каменной скульптуре Тувы, косторезному искусству Чукотки, современной ингушской свадебной одежде, театральным костюмам Японии, этнической группы арабов Узбекистана, грекам Приазовья, также сборы, поступившие из научных экспедиций по программе «Евразия». Особо нужно отметить древнетюркский клад енисейских кыргызов XIII–IX вв. – инструментарий кузнеца и конское снаряжение из юго-западной Хакасии.

Последние поступления чаще всего относятся к современной культуре народов мира, т.е. к XX – нач. XXI в. Активная собирательская деятельность свидетельствует об участии музея в процессе культурной глобализации и является следствием участия его в межгосударственном и межкультурном обмене.

*Лысенко О.В.
Санкт-Петербург*

МУЗЕЙНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ КАК ИНТЕГРИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблемы выявления новых подходов в области этнографических выставок и создание концептуальных музейных экспозиций относятся к числу сложных и многоаспектных. Создать адекватную этнографическую выставку, полно отражающую такое сложное явление, как этническая культура, непросто, поскольку материал, предназначенный для показа, многопланов в своем восприятии.

В архаичных культурах ритуал воспроизводит исчезающие формы культуры не только и не столько с целью сохранения и поддержания традиции; само воспроизведение является условием ее существования. В этом смысле реконструируемые формы в ритуале оказываются опытом самоидентификации культуры. В этом отношении можно сказать, что функция этнографического музея как феномена культуры и опыт научного исторического мышления обращаться к методам реконструкции явлений и событий и, в частности, создание музейных экспозиций, организованных с учетом контекстуальных связей предметов, утративших связь с реальным пространством культуры, по сути восходят к традиции ритуальных практик.

Экспозиции музеев как сфера научно-просветительской деятельности представляют объекты культуры, интерпретированные с учетом доминирующих научных теорий, с их помощью создается

ся новая реальность, преломленная сквозь призму нашего концептуально организованного опыта. С точки зрения логики развития музея как феномена культуры, экспозиция – это опыт его самоописания. В экспозициях, кроме всего прочего, музей говорит о самом себе. Музей порождает тексты, выходящие за границы его собственной компетенции – семантической структуры (предметная область базовой науки) и заданной коммуникативной модели (тип музея). Музей как пространство культуры, порождающее новые смыслы, оказывается инструментом конструирования мифологического дискурса.

*Масалова О.А., Титова Т.А.
Казань*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ЭЛЕКТРОННЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ
(проект № 04-01-12030в)*

Этнографический музей Казанского университета является одним из старейших и крупнейших учебных и научных учреждений России. Его коллекции представляют быт и культуру народов мира, России и, особенно, многонационального Поволжья.

Современные глобализационные процессы требуют быстрого, адекватного реагирования со стороны общества в целом и со стороны музея в частности. В связи с этим кафедра этнологии и археологии КГУ при поддержке Совместного Научно-исследовательского центра Казанского государственного университета и Академии наук Республики Татарстан «Культурное наследие и информационные технологии» в течение нескольких лет ведет работу по созданию единого информационного пространства этнографических исследований в Казанском университете. Важнейшей составной частью этой работы является создание тематического ресурса «Электронные коллекции Этнографического музея Казанского университета»

По завершению реализации проекта будет создан информационный ресурс, обеспечивающий доступ к постоянно обновляемой и пополняемой базе данных, включающей полную характеристику музейного предмета из коллекций Этнографического музея КУ и имеющий возможность поиска и обобщения накопленной информации в режиме запросов через Интернет. В настоящий момент в базу данных внесено более 500 научных описаний экспонатов. Это позволит не только усовершенствовать систему учета и информационное обслуживание, облегчить контроль за сохранностью и движением коллекций, но и даст возмож-

ность повысить качество учебной, научно-исследовательской и популяризаторской работы.

*Мишурина Л.И.
Санкт-Петербург*

ТАТАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОСТЮМ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

В основу сообщения положены материалы экспедиции 2004 г. к татарам Закавказья и республики Марий Эл, а также материалы фондов РЭМ. Согласно данным проведенного участниками экспедиции опроса, обувь, выполненная в традиционной технике, в повседневной практике используется редко и как этнический символ населением уже не воспринимается. На сегодняшний день из всего комплекса национального костюма только головные уборы обладают этномаркирующим статусом. Исчезнувший из употребления женский головной убор *колфак* с 1990-х гг. нашел себе замену в виде новой формы – шапочки *каляпуш*. Обращает на себя внимание преемственность в цветовой гамме и технике изготовления. Пожилые женщины используют его в качестве выходного головного убора (для посещения мечети и во время национальных и домашних праздников). Особенное единодушие в оценках вызывает мужской головной убор – *тюбетей*. После некоторого перерыва, начиная с 1980-х гг., тюбетей носят мужчины всех возрастов, и именно он более всего воспринимается населением как этномаркер. Следует отметить изменение цветовой гаммы *тюбетей* в пользу зеленого цвета, осмысляемого населением как «цвет ислама» в связи с энергичным обращением татар к мусульманству как к основе этнической консолидации. При сохранении общей устойчивости внешнего визуального облика этого этнического символа можно отметить эволюцию в области материалов и технологии изготовления (трансформацию техники декора и упрощение композиционного решения).

*Мишурина О.В.
Санкт-Петербург*

ФИННО-УГОРСКИЕ И ТЮРКСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ (К ПРОБЛЕМЕ АТТРИБУЦИИ МУЗЕЙНОГО ПАМЯТНИКА)

Первые контакты финно-угров и тюрков в Поволжье относят к середине I тысячелетия н.э. В это время тюркоязычные племена проникают в финно-угорскую среду, и на основе их взаимодействия начинается процесс формирования основных компонентов культуры современных народов. В конце I тысячелетия н.э. на территории Среднего Поволжья создается раннефеодальное государство Волжская Булгария. Тесные взаимоотно-

шения финно-угров с волжскими булгарами, а затем, после распада этого государства, с поволжскими татарами и чувашами при этнополитическом доминировании тюркского компонента содействовали длительному процессу аккультурации. Результаты процесса аккультурации привели к изменениям материальной и духовной сторон жизни финно-угорских и тюркских этнокультурных и языковых общностей. В результате длительного взаимодействия культур на смену связям внутри финно-угорской группы пришли новые, имеющие в своей основе тюркский компонент. Складываются устойчивые этнокультурные связи между мордвой, марийцами, удмуртами и татарами, чувашами и марийцами. У финно-угорских и тюркских народов формируются общие явления в культуре, часто с заменой национального компонента общерегиональным.

Результаты этнокультурной аккумуляции создают ряд трудностей в научной атрибуции музейного памятника. В процессе музейной атрибуции возникают затруднения с определением таких позиций, как народ и место бытования атрибутируемого экспоната. Дальнейшее изучение тюркских и финно-угорских культурных связей Поволжского региона является необходимым для работы над научной паспортизацией в рамках музейной деятельности.

Нератова Е.И.

К ИСТОРИИ ПОСТУПЛЕНИЯ ДВУХ ПАМЯТНИКОВ В РЭМ

Музейный предмет – это вещь, вырванная из контекста культуры. Значение его повышается, когда мы имеем максимально полную информацию о предмете (о принадлежности предмета к тому или иному народу, о его бытовании в традиционной культуре, о времени и месте изготовления, а также об истории его поступления в музей).

В 1948 г. в ГМЭ (нынешний РЭМ) поступили этнографические коллекции из расформированного МН СССР. До сих пор ведется их научная атрибуция. Длительность этого процесса связана как с неоправданно усложненной системой регистрации предметов, существовавшей в МН СССР, так и с утратой части документации этого музея.

Среди памятников МН СССР с запутанной историей поступления и жизни в музее (как в МН, так и в РЭМ) оказались две шашки. При регистрации в 1954 г. в ГМЭ одна из шашек с ножнами и портупей была зарегистрирована как абхазская, приобретенная Е.М.Шиллингом в 1927 г. в Сухуми, другая же распалась на два самостоятельных номера (отдельно шашка, отдельно ножны с портупей).

В результате работы в фондах и архиве РЭМ выяснилось, что обе шашки были переданы в 1918

г. в будущий МН СССР, а тогда – Дашковский этнографический музей Московского Публичного и Румянцевского музеев кн. Василием Дмитриевичем Голицыным (1857–1926), служившим директором этих музеев с 1910 по 1921 г.

Эти и некоторые другие поступления от В.Д.Голицына (1917–1920-ых гг.) дают возможность предполагать существование еще одной частной коллекции, прекратившей свое существование в послереволюционной России.

Патрушева Г.М.
Омск

КУЛЬТУРА НАРОДОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП СИБИРИ И КАЗАХСТАНА В КОЛЛЕКЦИЯХ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

*Исследование проведено при поддержке РГНФ
(проект № 02-06-80-527а)*

Коллективом сотрудников кафедры музеологии Омского государственного университета и Омского филиала объединенного института истории, филологии и философии СО РАН выполнено научное исследование этнографических коллекций, хранящихся в фондах Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Объектом нашего исследования была культура тюркоязычных народов Западной Сибири: чувашей, шорцев, челканцев, бачатских телеутов, и малочисленных народов Севера Сибири: манси, селькупов и ненцев. Каждому разделу исследования предшествует краткое, но емкое предисловие, характеризующее этническую и культурную традицию этих народов. Описание предметов культуры производилось по определенной методике. Описание каждого предмета включает в себя русское и народное названия; материал и способ изготовления; форму, конструкцию и декор предметов; размеры; характеристику состояния предмета; сведения об использовании, бытовании и датировке предмета; о месте сбора, собирателе и дарителе; инвентарный номер музея. Работа иллюстрирована рисунками и фотографиями.

Раздел «Казахи» написаны И.В.Захаровой и Ш.К.Ахметовой; разделы «Чуваши», «Хакасы», «Бачатские телеуты», «Шорцы», «Челканцы», «Ненцы» написаны И.В.Захаровой и Г.М.Патрушевой; «Манси», «Селькупы» – И.В.Захаровой.

Научная каталогизация этих коллекций способствует введению в научный оборот новых этнографических источников, а также послужит методической основой для проведения научных изысканий в других музеях России. Выполненное исследование существенно облегчит работу исследователей с музейными предметами.

Пермиловская А.Б.
Архангельск

**С. КИМЖА – НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
СОЗДАНИЯ ЖИВОГО МУЗЕЯ ПОД ОТКРЫТЫМ
НЕБОМ «IN SITU» НА РУССКОМ СЕВЕРЕ**

В докладе речь пойдет о сохранении на Севере России уникального исторического поселения Кимжа в Мезенском районе Архангельской обл. и создании на его основе живого музея под открытым небом.

Кимжа, основанная в XVI в., сохранила до настоящего времени облик древнего поморского поселения с традиционной планировкой, крестьянскими домами, комплексом хозяйственных построек (амбары, бани), ветряными мельницами на окраине села, обетными крестами как в структуре поселения и усадеб, так и за их пределами.

Здесь гармонично соединились два типа планировки: рядовая и уличная с прекрасной архитектурной доминантой – Одигитриевской церковью (нач. XVIII в.). Церковь представляет собой редкий исчезающий тип деревянного храма – «шатер на крещатой бочке».

В законе «О сохранении исторического и культурного наследия России» 2002 г. есть особый статус охраны – историческое поселение. Цель данного научного проекта – провести всестороннее научное изучение Кимжи со стороны этнографии, архитектуры, антропологии, фольклора, колокольного искусства, истории, природного наследия, развития экологического туризма, ввести в научный оборот новые памятники народного деревянного зодчества.

Будут рассмотрены проблемы сохранения и создания живого скансена. С одной стороны, задача упрощена тем, что мы имеет готовый музей под открытым небом, имеющий деревянную народную архитектуру (более 100 памятников), традиционный ландшафт, существующие народные и фольклорные традиции. С другой стороны, необходимо изучение и подготовка научной документации по созданию живого скансена и механизма его жизнедеятельности

Это совместный проект ИЭПС УрО РАН и Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корель».

Романова С.В.
Санкт-Петербург

НОВАЯ ЯКУТСКАЯ БАСТЫНГА В СОБРАНИИ РЭМ

Якутское женское головное украшение *бастынга* является редкостью в музейных собраниях Петербурга и Якутии, в специальной литературе информации об украшениях этого типа чрезвычайно мало. Летом 2003 г. сотрудниками РЭМ в ходе экспедиции в Сунтарский улус Республики

Саха (Якутия) к якутам вилюйской группы удалось приобрести современную *бастыngu*, изготовленную местным потомственным ювелиром жителем пос. Сунтар, Егоровым Иннокентием Митрофановичем, 1957 г.р. Данный экземпляр вместе с серьгами, изготовленными тем же мастером, принадлежал Тихоновой Нарьии-Ольге Владимировне, являлся частью ее праздничного национального костюма. Для изготовления *бастыngи* традиционно использовались различные материалы и методы их обработки. Данная *бастынга* представляет собой замшевый ободок-повязку с нашитыми на него штампованными серебряными бляхами, декорированными гравированным традиционным растительным и лировидным орнаментом. К ободку у висков крепятся ажурные серебряные подвески с нисходящими от них плоскими цепочками, состоящими из литых звеньев 8-образной формы, оканчивается подвесками из бус, серебряных трубочек и мелких штампованных бляшек. Подобные украшения, хотя и не являются распространенными, бытуют в качестве элемента праздничного костюма, их носят по торжественным случаям (например, праздник *Ысыах*). Зачастую *бастыngu* такого типа из-за дороговизны заменяют ее берестяным аналогом. Высказывается мнение, что берестяная *бастынга* – не инновация в традиционном якутском костюме, а возрождение давно утраченной традиции. Данная *бастынга* является весьма ценной для научной и выставочной музейной деятельности.

Сиим А.
Санкт-Петербург

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЭКСПОЗИЦИИ ЗАЛА
«АФРИКА» В МАЭ (КУНСТКАМЕРА) РАН**

Наиболее сложной проблемой организации предметов на экспозиции представляется поиск баланса между регионально-культурным и доминировавшим в предыдущей экспозиции хозяйственно-экономическим подходом. Необходимость их сочетания связана с неравномерным наполнением коллекций из разных культурных центров. В результате, вероятнее всего, отдельным культурам будут отведены шкафы и витрины внешнего периметра зала. Внутренний же его периметр представит собой «панафриканскую» «выставку достижений народного хозяйства».

Цель старой экспозиции состояла в демонстрации занятий африканцев и акцентировала внимание на самом факте наличия системы ремесел, тем самым подчеркивалась включенность африканских народов в общемировой производственный процесс. Манекены ремесленников в стеклянных шкафах были композиционным центром жанровых сцен, оставляя в тени изделия и произведения. В новой экспозиции, при условии сохранения манекенов, они должны отойти на вто-

рой план и обыгрывать своим присутствием сами предметы. Поэтому предлагается обеспечить на задней и боковых стеклянных стенах шкафов с манекенами непрозрачные фоны для расположения максимального числа предметов, тем самым поместив человеческие фигуры в «предметные ниши». Эти общие тематические экспозиции, представляющие то или иное ремесло по Африке в целом (оружие, украшения, калебасы, деревянные подголовники, маски и скульптура) должны быть скомпонованы так, чтобы дать представление о несомненно существующих общих культурных архетипах и эстетических представлениях африканцев. Также необходимо – как для внутреннего «панафриканского», так и для внешнего «этнографического» периметров – максимально поместить предметы в этнографический контекст, сопроводив их вещами второго плана и фотоиллюстрациями.

*Сорокина Г.
Санкт-Петербург*

РОЛЬ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ В РЕШЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Современные этнические проблемы, новые аспекты взаимодействия в национальных культурах XXI в., проблемы передачи и сохранения историко-культурных связей, воспитание толерантности у молодежи через социокультурное взаимодействие давно уже стали важнейшими темами образовательных программ в музеях Европы и США.

Российским музеям сегодня также отводится важнейшая роль в стабилизации социокультурного развития народов и различных регионов страны, формировании информационно-коммуникативной сферы взаимодействующих культур. Актуальной аналитической задачей музейной работы сегодня является создание таких проективных моделей деятельности, которые помогут реализовать уникальный потенциал музеев в деле образования и воспитания людей в новом мультикультурном пространстве России.

Цель многих музейных проектов, реализуемых в разных городах страны – привлечь внимание к вопросам расовой, этнической и социальной нетерпимости, противодействовать экстремизму, национализму, ксенофобии.

Воспитание толерантности к иным, по-своему уникальным культурам в условиях усиления этнической дифференциации стало одной из основных задач музейной педагогики и музейно-образовательных программ, содержание которых строится не на различиях между этническими культурами, а на их сходстве. По мнению музейных специалистов, преодолению этнической тревож-

ности и поляризации способствует также обсуждение процесса межкультурных контактов и взаимозаимствования, рассмотрение основных символов и ценностей народов, населяющих Россию.

На сегодняшний день толерантность рассматривается в контексте таких понятий, как признание, принятие, понимание. Признание – это способность воспринимать другого как носителя других ценностей, другой логики мышления, других форм поведения. Принятие – это положительное отношение к таким отличиям. Понимание – это умение видеть другого изнутри, способность взглянуть на его мир одновременно с двух точек зрения: своей собственной и его.

Цель воспитания толерантности – воспитание, прежде всего, в подрастающем поколении потребности и готовности к конструктивному взаимодействию с людьми и группами людей независимо от их национальной, социальной, религиозной принадлежности, взглядов, мировоззрения, стилей.

*Турьинская Х.М.
Москва*

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО В РОССИЙСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Развитие этнографического музейного дела в России в кон. XIX – нач. XX в. находило отражение на страницах многочисленных периодических изданий этого времени. Большой объем музейно-этнографических публикаций, содержащихся в периодике, делает ее одним из основных источников по истории музейной этнографии. Необходимы выявление, исследование, научная оценка и введение в научный оборот этих материалов, чтобы существенно дополнить имеющиеся знания по истории этнографической музейной теории и практики и, шире, истории музейного дела, науки, общественной мысли, культуры в России.

Материалы, касающиеся музейного дела, в том числе этнографического, регулярно появлялись в научных, научно-популярных и литературно-художественных журналах, столичных и провинциальных газетах, в периодических изданиях музеев, Академии наук, научных обществ, университетов, статистических комитетов, ученых архивных комиссий и других. Значительный ценный и сконцентрированный и по тематике и объему материал дают специальные этнографические журналы – «Этнографическое обозрение» (1889–1916) и «Живая старина» (1890–1917).

На страницах «Этнографического обозрения» отражены деятельность отечественных этнографических музеев и размышления российских ученых о судьбах музейной этнографии. Этот печатный орган ИОЛЕАЭ при Московском университете содержит обширный материал об этнографических собраниях Румянцевского музея, о

МАЭ, Этнографическом отделе Русского музея, ряде столичных и провинциальных музеев, включавших этнографические коллекции. В журнале затрагиваются следующие проблемы: место и роль этнографических музеев и коллекций в развитии науки и познании культуры народов, в просвещении; разработка теории и практики этнографического музейного дела; музеи и общество; личность в музейном деле; специфика собирания этнографических коллекций; «старина» в культуре и музейных коллекциях. Неослабный интерес авторов к работе иностранных этнографических музеев, сравнение музейного опыта в России и за границей выявляют достижения и проблемы российских музеев кон. XIX – нач. XX в.

Файзулина Г.Ш.
Алматы

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ ВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОСЕТИТЕЛЯ НА ВЫСТАВКЕ ОТДЕЛА ЭТНОЛОГИИ ЦГМ РК «ПОЖАЛУЙТЕ ШИТЬ, ГЛАДИТЬ...» – «ШЕБЕРДЫН КОЛЫ ОРТАК»

«Вещный мир» традиционных культур интересен для современников как образец гармоничного отношения к предметному миру, как свидетельство существования «другого» мира, в котором предметы являются равноправными партнерами в разговоре под названием «жизнь».

Выставка отдела этнологии Центрального государственного музея Республики Казахстан раскрывала традиционную тему взаимоотношений «человек – вещь» через призму восприятия современного посетителя. Жанр выставки – «рассказ». Основная идея – АВТОРСТВО предмета во всех его проявлениях. Образное экспозиционное решение выставки в теме «гардероба» как места хранения вещей позволило нетрадиционно и неожиданно представить предметы традиционной казахской одежды. При этом учитывалась культура магазинно-витринного восприятия посетителей.

Использование привычного для посетителей образа «магазинной вешалки-гардероба» приближало к сегодняшнему времени образцы традиционной казахской одежды. Подсознательно возникало желание символической «примерки» вышедшей из употребления одежды, а значит, и приближение музея к «себе», своему «я» посетителя. Выставка актуализировала этнографические музейные предметы прошлого в настоящем времени и таким образом стала современной и «личной» близкой посетителю.

Дизайн этикеток также «играл» в этой теме и был решен оригинальным способом – в качестве вертикальных «бирок» на одежде, где вместо «цены» был обозначен музейный фондový номер КП, имя автора (мастера, владельца), выделенное

курсивом и цветом, что графически дополнительно подчеркнуло общую идею выставки.

Данная выставка – это своеобразное решение альтернативного массовой культуре отношения к потреблению вещей и отношения к ним, формирование которого является одной из главных задач современного музея.

Федорова М.В.
Санкт-Петербург

БУРЯТСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УКРАШЕНИЯ ДАРУУЛГА В СОБРАНИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Среди головных украшений, бытовавших у бурят в конце XIX – начале XX вв., широкое распространение имел коралловый венок *даруулга*. Он являлся принадлежностью как девичьего, так и женского праздничного костюма. В РЭМ имеется шесть венков, среди которых только один зарегистрирован как девичий – это *даруулга* из коллекции Л.Г. Лельчук (№ 7197-22), бытовавшая у селенгинских бурят в конце XIX – начале XX вв.

Даруулга баргузинских бурят (№ 2108-4) из коллекции Э.Ринчино, собранной в 1912 г.), принадлежит костюму замужней женщины, о чем свидетельствуют прикрепленные к венку два наконечника – после свадьбы девичья прическа по традиции заменялась на две косы *боолто*. Аналогичные венки содержатся в коллекции МН СССР: № 8763-376 и № 8763-374 – *даруулга*, подаренная ламой Ванчиковым Румянцевскому музею (до 1887 г.). Тип *даруулги*, характерной для агинских бурят, представлен в собрании Л.Жабэ (1909 г., № 1574-1).

Даруулга, украшенная кораллами и серебром, была доступна только женщинам из зажиточных семей. Буряты среднего достатка нашивали на венки бусины из глины и мастики, имитирующие кораллы. Примером этому служит венки из коллекции МН СССР (8762-19413).

В целом коллекция бурятских венков *даруулга*, хранящаяся в Российском Этнографическом музее, представляет большую художественную и научную ценность и является важным источником для изучения традиционного комплекса украшений бурят.